

неизвестно. Во всяком случае этот отрывок говорит о том, что сами гунны были знакомы с агротехникой и могли культивировать хлебные злаки, в противном случае была бы непонятной цель предпринятого гуннами похода в страну, где до сего времени земледелия не существовало. Это не противоречит тому, что мы говорили выше относительно роли китайских военнопленных и эмигрантов в гуннском земледелии, тем более что по всем данным именно от них гунны-кочевники и заимствовали агротехнические навыки.

Культивирование хлебных злаков требует известной оседлости населения, хотя бы на период посева, созревания и жатвы злаков. Существование у гуннов поселений и городищ (Иволгинское городище, поселение на р. Чикое, около поселка Нижние Дурены, городище на р. Джиде) способствовало концентрации китайцев и наиболее бедных слоев гуннского населения в этих оседлых поселениях. Наличие подобных поселений земледельческого облика у гуннов констатируют и китайские хроники¹.

В заключение следует все же напомнить, что в хозяйстве гуннов земледелие играет подсобную роль, кочевой уклад, а также неблагоприятные климатические условия (частые засухи) тормозили развитие земледелия. По свидетельству китайских летописей, гунны не могли покрыть нужды населения за счет производства собственного хлеба и пополняли свои хлебные ресурсы за счет Китая. В перечне даров, преподносимых шаньюям китайскими императорами, очень часто фигурируют хлебные злаки, в том числе просо, культивировавшееся и на территории гуннов². Не исключена возможность, что некоторое количество хлеба гунны получали из Китая путем обмена в пограничных торговых пунктах, наличие которых отмечают китайские хроники.

А. В. Давыдова и В. П. Шилов

К ВОПРОСУ О СТОЛИЦЕ КИДАРИТОВ

В 1946—1948 гг. автором предлагаемого сообщения, по поручению Института истории и археологии Академии наук Уз. ССР, велись разведочные археологические работы в Каршинском оазисе³.

В течение трех кампаний весь оазис был пересечен сетью разведочных маршрутов, на некоторых из памятников были проведены небольшие раскопки. Материалы археологических разведок частично уже опубликованы⁴. Цель настоящего сообщения — дать некоторые сведения об одном из наиболее значительных памятников оазиса — городище Ер-курбан, и установить, развалинами какого города древности является это городище⁵.

Городище Ер-курбан, находящееся в 10 км к северо-западу от г. Карши, занимает площадь около 150 га; длина его по оси с северо-запада на юго-восток равна примерно 1,5 км, ширина—1,2 км; это — одно из наиболее крупных городищ оазиса и развалины его единственного города эпохи рабовладельческого строя. Границы городища (см. рис. 1) четко определены валом длиной около 4,5 км. Центральную часть горо-

¹ Н. Я. Бичурин, Собрание, . . . стр. 78.

² Там же, стр. 60, 76, 90, 91, 125.

³ Имеются в виду поливные и условно-поливные земли Каршинского, Кассанского и Бешкентского районов Уз. ССР, питаемые водами реки Кашка-Дарья, площадью около 2000 км².

⁴ С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе, «Труды Института истории и археологии АН Уз. ССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана», т. II, Ташкент, 1950, стр. 82—133.

⁵ А. И. Тереножкин в своем предварительном сообщении (Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана, ВДИ, 1947, № 2, стр. 187) посвятил несколько строк этому памятнику.

дища окружают сравнительно хорошо сохранившиеся глинобитные стены с отчетливо выделяющимися башенными выступами. Материалы раскопок, поставленные в связь с топографией городища и дополненные керамикой из подъемного материала, дали возможность наметить два основных этапа развития древнего города.

В древнейший период город состоял из нескольких крупных жилых массивов, окруженных общими стенами, развалинами которых в некоторой части является внешний вал; наиболее плотно была заселена южная часть города. Во второй период в жизни города произошли крупные изменения, большая его часть оказалась заброшенной, а в центре была огорожена площадь свыше 40 га новыми стенами, внутри которых город продолжал развиваться на древних развалинах. Оба периода в жизни города удалось датировать в широких хронологических рамках посредством сравнительного анализа керамических находок¹. Керамика нижнего культурного слоя, соответствующего первому периоду в жизни города, находит свои аналогии преимущественно в материалах Самарканда II в. до н. э. — II в. н. э.; керамика верхнего слоя датируется на основе аналогии с материалами Термеза и Айртама III—V вв. н. э.

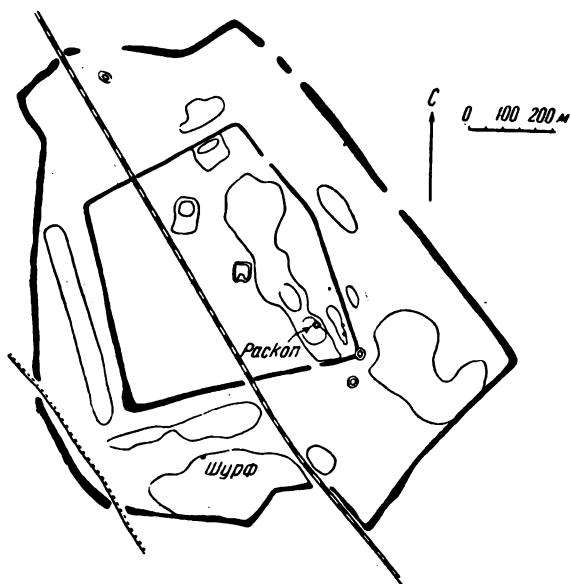

Рис. 1. Схематический план городища Ер-курган

Нижний слой находится на поверхности в промежутке между внутренними стенами и наружным валом; здесь, в южной части городища, на одном из бугров был заложен шурф, в котором найден довольно большой комплекс очень характерной керамики. Наиболее выразительны фрагменты кубка в разрезе с коленчатым перегибом корпуса и фрагменты кубков на высоких ножках, подобные найденным А. И. Тереножкиным на Афросиабе². Сосуды покрыты красным лакообразным или глянцевитым светло-желтым составом. Найдены фрагменты сосудов с плотным черным ангобом; среди подъемного материала встречаются обломки сосудов с признаками черного лощения. Близость керамики Афросиаба и Ер-кургана подтверждает положение, что долина реки Кашка-дарья являлась частью Согда.

¹ С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 г..., стр. 116—131.

² А. И. Тереножкин, Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4, стр. 129.

В раскопе, заложенном в черте внутренних стен, в отложениях верхнего культурного слоя, наиболее интересной находкой оказалась гончарная печь с большим количеством найденной возле нее керамики. Своеобразие конструкции печи состоит в том, что тонка и обжигательная камера расположены рядом (рис. 2), и, следовательно, пламени было придано горизонтальное направление¹. Найденная возле печи керамика почти исключительно тонкостенная: несомненно, печь предназначалась только для обжига тонкостенных сосудов и, быть может, изделий прикладного искусства. Из сосудов наиболее характерными являются чаши (рис. 3), покрытые красным ангобом; фрагменты подобных чаш были найдены в развалинах древнего Термеза и монетной находкой датированы III в. н. э.² Сосудов с красным или черным лощением в комплексе гончарной печи не встретилось. Из отдельных находок верхнего слоя Еркургана нужно особо отметить керамическую плитку с штампованными изображениями горного козла и зайца (рис. 4); длина плитки 7,1 см. Не менее интересны найденные здесь фрагменты оссуария и терракотовое изображение головы женщины европеоидного типа; последняя находка позволяет предположить, что некоторая часть населения древнего города принадлежала к согдийско-таджикской этнической группе.

Для датировки последнего периода в жизни города, наряду с археологическими материалами, удалось привлечь одно указание письменных источников, ранее никем не использованное. В китайской хронике Бейши (История Северных дворов— 386—618 гг.) среди других «малых владений» «Западного края» упоминается владение «Ношеболо»: «Ношеболо. Ношеболоский владетель имеет пребывание в городе Боло, от Нюми на юге, от Дай в 23428 ли. Земля ровная; произрастает рис, пшеницу и разные плоды»³.

Сведения Бейши о Ношеболо относятся именно к изучаемому нами району — Каршинскому оазису, который это свое название получил лишь в XIV в., после того как чагатайский хан Кибек (1318—1326) построил там себе дворец⁴. До этого времени оазис и его главный город назывались «Несеф» — название, происшедшее из древнего названия оазиса — «Нахшеб». Макдиси пишет: «Несеф назывался драгоценным Нахшебом»⁵. «Ношеболо» китайских источников вполне можно отождествлять с Нахшебом, так как в дополнение к указанию, что Ношеболо находится к югу от Нюми (Бухара), мы еще имеем свидетельство в той же хронике Бейши, что от владения Ши (Кеш, Шахрисябз) на запад до владения Нашебо⁶ — 200 ли, что соответствует географическому взаиморасположению современных Шахрисябза и Карши.

Кроме этих сведений, в дальнейшем тексте хроники имеется также указание, что город Боло избрал своей резиденцией владетель Большого Юечжи⁷ после того, как он решил отказаться от опасного соседства с жужанами. Владетелем Большого Юечжи назывался Цидоло⁸ (Ки-то-ло, Кидар), — личность, известная

¹ Более подробное описание печи находится в указанной выше статье автора, стр. 113—116.

² В. А. Ш и ш к и н, «Курган» и мечеть Чор-сутун в развалинах старого Термеза, ТАН Уз. ССР, Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 125 сл.

³ Н. Я. Б и ч у р и н (И а к и н ф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1950, т. II, стр. 264.

⁴ В. Б а р т о л ь д, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 90.

⁵ Bibliotheca geographorum arabicorum, III, 282. Ed. M. J. De Goeje, 1877.

⁶ Н. Я. Б и ч у р и н, ук. соч., стр. 274 сл. Бесспорно, что Ношеболо и Нашебо — название одной и той же местности Нахшеба. Проф. Н. В. Кюнер в беседе с автором указал, что различие в написании может быть объяснено тем, что здесь составитель использовал различные источники без их согласования. В находящемся в печати указателе племенных и географических названий (проф. Н. В. Кюнер ознакомил автора с корректурным оттиском указателя к сочинению Н. Я. Бичурина «Собрание сведений...», т. III, Приложения) прямо указывается: «Нахшеб, ср. Нашебо, Ношеболо» и далее: «Ношеболо — влад. (Нахшеб)».

⁷ Н. Я. Б и ч у р и н, ук. соч., стр. 264.

⁸ Там же.

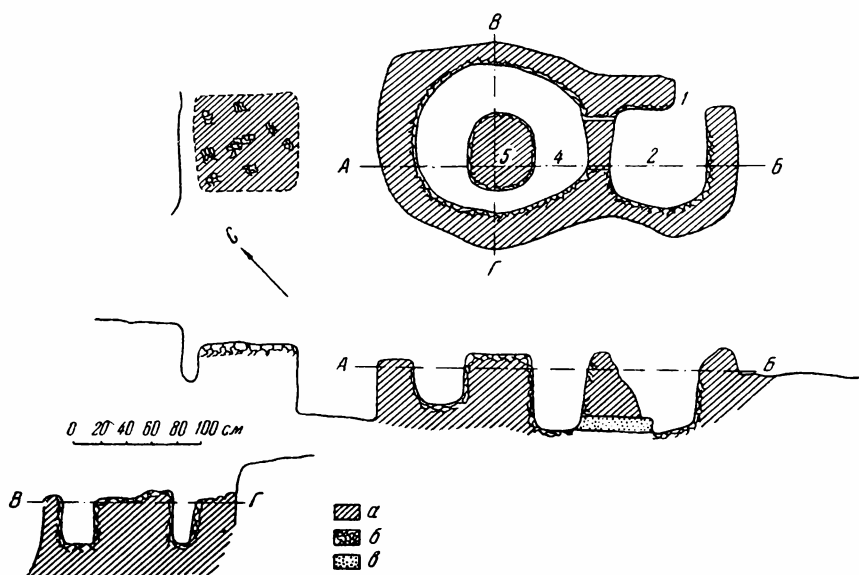

Рис. 2. Ер-Курган. Гончарная печь, план и разрезы печи. 1—устье топки; 2—топка; 3—жаропроводное отверстие; 4—обжигательная камера; 5—опорный столб; а—стены печи; б—ошлакованные поверхности; в—зола

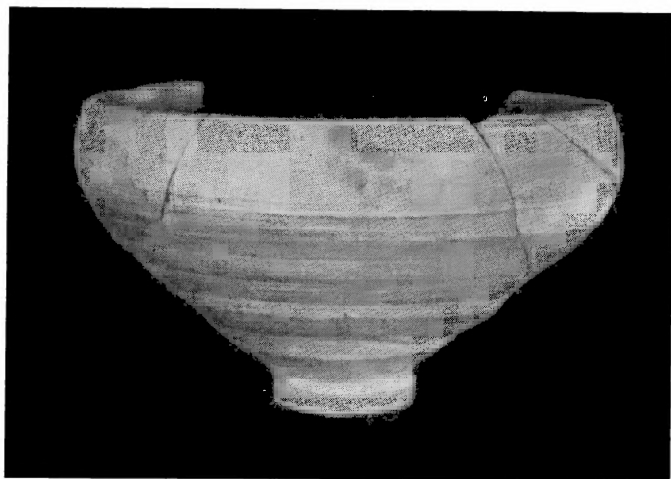

Рис. 3. Ер-Курган. Тонкостенная чаша из комплекса гончарной печи

не только китайским, но и греческим историкам¹, что дает возможность связать некоторые исторические события с городом Боло.

Прямое указание китайских источников на то, что город Боло находился в Ношеболо (Нахшебе), в научной литературе отмечено только Н. И. Веселовским². Н. И. Веселовский решительно отвергает мнение Клапрота, предполагавшего, что Боло следует идентифицировать с Балхом³, однако и после работ Веселовского этой идентификации придерживался А. Гудшмид⁴. И. Маркварт выдвинул новую точку зрения на этот вопрос, утвердившуюся в научной литературе⁵. Он идентифицировал Боло с городом Балхан, находившимся близ возвышенности Малый Балхан, восточнее современного Красноводска, и отождествил город Боло (По-ло) китайских источников с городом «Валаам» византийского автора Приска Панийского⁶ (до Маркварта последнее отождествление высказал Н. И. Веселовский)⁷.

Маркварт при идентификации Боло (По-ло) исходил, во-первых, из сходства в произношении названий городов, во-вторых, — из указаний Бейши об удаленности того или иного города от столицы Северной Династии Дай (Тай), находившейся на территории современной провинции Шаньси⁸. Маркварт указал, что нельзя По-ло идентифицировать с Балхом, так как последний упоминается в той же летописи Бейши под другим названием (Поч-жи, Бочжи).

Однако еще В. В. Бартольд подверг сомнению идентификацию Маркварта Боло — Балхан и привел пример, из которого видно, что если без надлежащей критики подойти к цифровым данным китайских источников, то Фергана окажется западнее Балха⁹, тогда как в действительности дело обстоит наоборот.

Рис. 4. Ер-Курган. Комплекс гончарной печи. Керамическая плитка с штампованными изображениями горного козла и бегущего зайца

¹ Н. П и г у л е в с к а я, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941 стр. 49.

² Н. И. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, СПб., 1877, стр. 7. Н. И. Веселовскому не было известно географическое положение Ношеболо (см. ук. соч., стр. 8).

³ Н. И. Веселовский, ук. соч., стр. 15.

⁴ A. G u d s c h m i d, Geschichte Irans und seiner Nachbarländer, Tübingen, 1888, стр. 169.

⁵ Н. П и г у л е в с к а я, ук. соч., стр. 54; К. В. Т р е в е р, А. Ю. Я к у б о в с к и й и М. Э. В о р о н е ц, История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 131; A. C h r i s t e n s e n, L'Iran sous les Sassanides, Copenhagen, 1944, стр. 287.

⁶ J. M a r q u a r t, Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenc'i; «Abhandlungen der K. Gesellschaft zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse», Neue Folge, т. III, № 2, Berlin, 1901, стр. 55.

⁷ Н. И. Веселовский, ук. соч., стр. 14 сл.

⁸ J. M a r q u a r t, Wehrot und Arang, Leiden, 1938, стр. 34.

⁹ В. В. Б а р т о л д, Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., Ташкент, 1902, стр. 28.

В данном случае в Бейши указывается, что Ношеболо находится к югу от Нюми (Бухара), но если обратиться к цифровым данным, приведенным здесь же, то окажется, что Ношеболо расположено значительно западнее Нюми, так как последнее находится в 12 820 ли от Дай¹, а Ношеболо — в 23 428 ли от этого же города. Повидимому, в последнем случае имеет место описка (вместо цифры «1» впереди ошибочно поставлена цифра «2»), но если и внести соответствующую поправку, то все же окажется, что Ношеболо (Нахшеб) немного западнее Нюми (Бухара), тогда как в действительности Нахшеб расположен к юго-востоку от Бухары. Следовательно, использовать цифровые данные китайских источников возможно только в сопоставлении с другими данными.

Более существенным в определении местонахождения города Боло является вопрос, допускала ли общественно-политическая обстановка того времени основание кидаритами своей столицы близ берегов Каспийского моря и согласуется ли идентификация Маркварта с данными исторических источников. Уже В. В. Бартольд отметил, что если согласиться с мнением Маркварта, то трудно будет объяснить тот факт, что после поражения, понесенного от Пероза, кидариты ушли в Индию². Н. В. Пигулевская на основе анализа византийских и сирийских источников, приходит к прямому выводу, что «борьба персов с кидаритами протекала не на западном побережье Каспия, а на северо-восточной границе Ирана»³. А. Кристенсен также приходит к выводу, что кидариты жили к востоку от Талакана⁴, близ северо-восточных границ Ирана. Сообщение источников о походе Кидара в Индию и покорении пяти государств в ней⁵ также говорит о том, что столица кидаритов не могла находиться близ Каспия, так как в этом случае, отправляясь в поход, Кидар был бы вынужден взять значительную часть своих войск и двинуться в обход враждебного государства в Индию, оставив столицу, не защищенную ни расстоянием, ни естественными преградами, под прямой удар.

Таким образом, политическая ситуация не благоприятствовала основанию кидаритами столицы у берегов Каспийского моря, почти на самой границе с сильным и враждебным соседом, под постоянной угрозой окружения с суши: такое положение было бы более опасным, чем во время борьбы с жужанами, от соседства с которыми ушли кидариты. Следовательно, идентификацию Маркварта Боло-Балхан надо признать не соответствующей действительности и в определении положения города Боло исходить из указания китайских источников о том, что город Боло находился в Ношеболо (Нахшебе).

Итак, имея в виду прямое указание китайской летописи о том, что в «малом владении» Ношеболо резиденцией правителя является город Боло, и зная, что в этой небольшой области есть только одно городище, верхние слои которого могут быть датированы временем, близким к Кидару, мы можем с полной уверенностью придти к выводу, что развалины Ер-курган являются развалинами столицы кидаритов — города Боло; то обстоятельство, что переводчик нашего источника Н. Я. Бичурин называет городом все оседлые поселения, тогда как в китайских текстах различаются отдельные их виды⁶, не может поколебать нашу идентификацию, так как хотя и есть в оазисе развалины крупных поселений того времени, однако они уступают Ер-кургану как размерами, так и укрепленностью, да и по своей планировке это скорее замки с поселениями, чем города.

Отожествление Боло (По-ло) китайских источников с Балаамом (Балаам) византийских ни у кого из исследователей не вызывало сомнений. В сообщении Приска

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., стр. 260.

² В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 28.

³ Н. Пигулевская, ук. соч., стр. 53.

⁴ А. Christensen, ук. соч., стр. 287.

⁵ Н. Я. Бичурин, ук. соч., стр. 264.

⁶ А. Н. Бернштам. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». (Вступительная статья к изданию 1950 г. указанного труда Н. Я. Бичурина, т. I, стр. XL).

Панийского о персидском посольстве к византийскому двору в 468 г. говорится: «В это время пришло из Персии посольство с известием, что Персы одержали победу над Уннами Кидаритами и осаждают город их Валаам. Объявляя об этой победе, они хвастали ею по варварскому обычаю, желая показать, как велика их сила»¹.

Известно также, что после поражения, понесенного от войск Пероза, кидариты во главе с сыном Кидара Кунхасом ушли в Индию, где подчинили себе государство Гупта². Надо полагать, уход кидаритов был связан с потерей ими своего главного города — Валаама (Боло), об осаде которого сообщали в 468 г. персидские послы. На основе показаний китайских источников Маркварт приходит к выводу, что сын Кидара основал государство в Индии около 470 г.³; этот вывод соответствует сложившейся в то время политической ситуации и подтверждает установленное выше положение: кидариты ушли в Индию около 468 года в связи с потерей ими своей столицы Боло (Валаам).

Из этих указаний можно заключить, что город, повидимому, был разрушен и оставлен жителями. Состояние городища Ер-курган подтверждает такое заключение. Рельеф городища и керамические материалы свидетельствуют о том, что город был полностью оставлен в V в., в культурных слоях городища нет никаких признаков, которые свидетельствовали бы о том, что какая-то часть города продолжала существовать после разрушения города.

Государство кидаритов было одним из тех государств древности, «...которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения»⁴. Запустение городов в Средней Азии в IV—V вв. наблюдается повсеместно; это явление связано с разложением рабовладельческого строя, вызванным внутренними закономерностями общественного развития. Осада и занятие Боло-Валаама, его разрушение в результате кратковременного иноземного вторжения являются эпизодом, ставшим возможным в условиях неустойчивых политических и социальных отношений переходного периода, прежде всего в результате политической раздробленности народов Средней Азии. Общественно-экономические условия не способствовали возрождению города на прежнем месте.

Дальнейшие исследования Ер-кургана, памятника с точно датированными верхними слоями (около 468 г.), могут дать много материала для понимания одного из мало изученных периодов истории народов Средней Азии — периода кризиса рабовладельческой общественно-экономической формации.

С. К. Кабанов

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В КИТАЕ

Археологические раскопки, осуществляемые Китайской Академией наук, проводятся во все более широких масштабах и охватывают все новые провинции Китая.

С 18 октября 1951 г. по 7 февраля 1952 г. впервые сравнительно крупные и научно поставленные археологические раскопки были проведены южнее Янцзы, в окрестностях Чанша⁵, столицы провинции Хунань.

¹ Сказания Приска Панийского, перевод Г. С. Дестуниса, СПб., 1860, стр. 97—99.

² К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский и М. Э. Воронец, История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 127.

³ J. Marquart, *Eranšahr*..., стр. 59.

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 12.

⁵ См. отчет о раскопках археолога Ся Най в журнале «Кэсюэ тунбао», III (1952), № 7, стр. 493—497.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ НАШХЕБА В III—V ВЕКАХ

Долина реки Кашка-Дарья является одной из наименее изученных в археологическом отношении областей Узбекистана. Для регистрации памятников этой долины автором настоящей статьи, по поручению Института истории и археологии Академии наук УзССР, в 1946—1954 гг. велись археологические разведки, преимущественно в низовьях реки. Эта часть долины в древности называлась Нахшеб; ныне ее можно условно назвать Каршинским оазисом, по названию областного центра — гор. Карши. Территория оазиса административно включена в Каршинский, Бешкентский и Касанский районы УзССР.

Каршинский оазис отличается обилием развалин древних поселений: на площади примерно в 2000 кв. км их насчитывается около 300. В особенности многочисленны развалины древних поселений в восточной части оазиса, лучше обеспеченной водой. Наблюдения над материалами, собранными на поверхности и в обнажениях, а также из небольших разведочных раскопов, дали возможность выделить памятники различных периодов рабовладельческой и феодальной формаций, на протяжении от первых веков до н. э. и до монгольского завоевания (XIII в.). В этом хронологическом отрезке можно проследить четыре периода, характеризующиеся следующими изменениями в производстве и быту древних обитателей оазиса:

1-й период: III в. до н. э. — II в. н. э. Широко разветвленная ирригационная система оазиса. Много поселений прямоугольных в плане, укрепленных стенами. Высококачественная керамика.

2-й период: III—V вв. н. э. Появление поселений нового типа, в виде небольших усадеб без укреплений. Признаки перехода кочевников к оседлости. Снижение качества изделий керамического производства. К концу периода — сокращение ирригационной сети и запустение многих сельских поселений, а также и единственного города (Ер-Курган).

3-й период: VI—VIII вв. Наличие поселений прямоугольных и округлых в плане, видимо, признак сосуществования обществ с различным уровнем развития. Города возникают только в VIII в. В гончарном ремесле — сохранение некоторых традиций древнего керамического производства и появление новых керамических форм.

4-й период: IX в. — начало XIII в. Нахшеб — провинция первых крупных феодальных государств. Развитие неукрепленных поселений на развалинах старых сооружений. Рост городских центров — Несефа, Кесбы и Безды. В конце периода — монгольское завоевание.

Настоящее краткое сообщение преследует цель осветить некоторые вопросы истории рабовладельческого общества Нахшеба, главным образом в III—V вв., путем рассмотрения общего характера обнаруженных здесь археологических памятников.

Среди развалин поселений эпохи рабовладельческого общества выявлено несколько типов, различающихся особенностями планировки и рельефа. Часто встречаются поселения прямоугольные в плане, с вышкой в одном из углов. Типичным

поселением этого вида является Мудин-тепе¹. Другой тип представлен развалинами поселения, известного под названием Кала-и-Захаки-Морон, которое находится возле станции Карши. В плане поселение было почти квадратным, с длиной сторон около 400 м; в центре выделяется бугор с длиной сторон 60 × 60 м, окруженный двумя концентрическими стенами. Видимо, это развалины замка. Другие памятники типа Кала-и-Захаки-Морон отличаются от него меньшими размерами и наличием не двух стен вокруг замка, а только одной. Как показали материалы раскопок, многие поселения типа Мудин-тепе и Кала-и-Захаки-Морон существовали с первых веков до н. э. и до V в. н. э.; некоторые из них продолжали существовать и позднее. Обычно это крупные поселения с мощными укреплениями.

Третьим типом остатков древних поселений являются небольшие бугры, высотой в 1—3 м, диаметром до 30 м, округлые в плане. Раскопки одного из них (близ селения Никуз) показали, что это развалины небольшого однослойного поселения типа усадьбы. Памятники относятся к III—V векам.

Наконец, четвертый тип сельских поселений представлен развалинами, известными под названием Шор-тепе². Поселение возникло еще в первый из отмеченных выше периодов истории древнего населения Нахшеба, а затем было сильно разрушено и перестроено новыми поселенцами, видимо кочевниками, перешедшими к оседлости в IV—V веках.

В пределах оазиса отмечены развалины только одного города эпохи рабовладельческого строя, это — городище Ер-Курган³, находящееся в северной части оазиса. Как и в большинстве поселений сельского типа, в этом памятнике два слоя (III в. до н. э. — II в. н. э. и III—V вв. н. э.).

Слои ранних поселений, эпохи рабовладельческого общества, скрыты под мощными поздними наслоениями. Этим главным образом объясняется скудость выявленных при разведках материалов, относящихся к периоду развитого рабовладельческого общества.

Наиболее характерным материалом, по которому возможно было определить древнейшие наслоения, являются обломки бокалообразных сосудов с красным лощением и с ангобом, подобных сосудам, найденным в других районах Средней Азии⁴ и датированным первыми веками до н. э. Обломки подобных сосудов встретились в нижних наслоениях Ер-Кургана, Мудин-тепе, Шор-тепе и на Кала-и-Захаки-Морон; в обнажениях последнего обнаружен сыровый кирпич размером 42 × 42 × 10 см, характерный для античных памятников Хорезма⁵.

Распространение памятников типа Мудин-тепе и Кала-и-Захаки-Морон по всей территории оазиса свидетельствует о том, что уже в первых веках до н. э. здесь существовала широко разветвленная система ирригации; время возникновения этой системы и связанных с ней древнейших поселений возможно будет установить только в результате крупных систематических раскопок; сейчас можно только высказать предположение, что земледелие, основанное на искусственном орошении, возникло в низовьях Кашка-Дарьи в середине первого тысячелетия до н. э. Многие древние поселения оазиса были оставлены в III—V вв., что указывает на упадок рабовладельческого общества Нахшеба в этот период.

¹ С. К. К а б а н о в, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, «Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР», т. II, Ташкент, 1950, стр. 87—106.

² С. К. К а б а н о в, Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши, «Изв. АН УзССР» 1954, № 1, стр. 82—94.

³ С. К. К а б а н о в, Археологические работы 1948 года., стр. 106—132.

⁴ А. И. Т е р е н о ж к и н, К историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4 стр. 129; М. М. Д љ а к о н о в, Работы Кафирниганского отряда, «Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции», т. I, М.—Л., 1950, стр. 165—166 и табл. 83.

⁵ С. П. Т о л с т о в, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 90.

Археологические источники по истории населения Нахшеба в III—V вв. много богаче и разнообразнее. Даже небольшие разведочные раскопки в верхних слоях не-

Рис. 1. Дагай-тепе. Тонкостенные кувшинчики. III—IV вв.

которых памятников (Ер-Курган, Шор-тепе) дали возможность выявить интересный комплекс вещественных остатков, характеризующий материальную культуру общества.

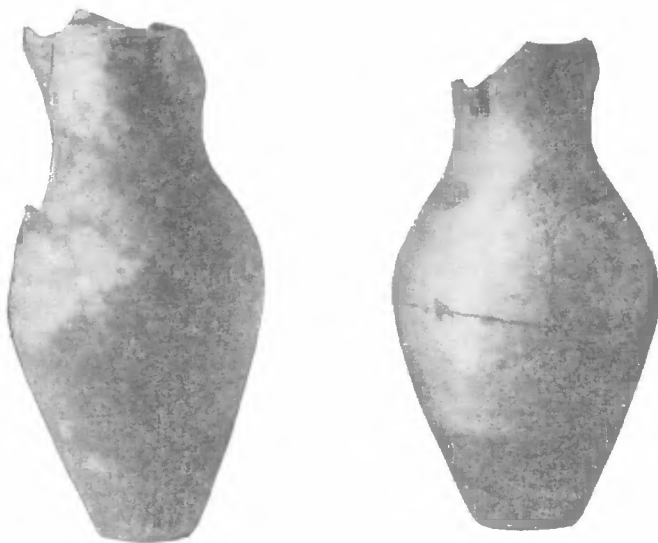

Рис. 2. Шор-тепе. Тонкостенные кувшинчики. IV—V вв.

Датировка слоя III—V вв. была установлена сначала на основании керамических материалов, с привлечением исторических данных¹; позднее она подтвердилась монетными находками².

¹ С. К. Кабанов Археологические работы 1948 года..., стр. 116—132.

² С. К. Кабанов, Археологические раскопки на Шор-тепе..., стр. 92.

Из сосудов станковой работы наиболее многочисленными и характерными для наслоений III—V вв. оказались тонкостенные кувшинчики, высотой в 13,5—16,5 см, найденные в хорошей сохранности или в крупных фрагментах на Мудин-тепе, Еркургане¹, Дагай-тепе (рис. 1), Шор-тепе (рис. 2), в небольшом бугре близ селения

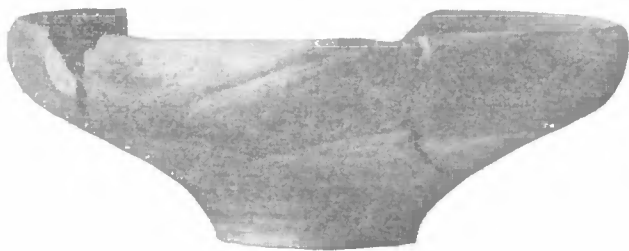

Рис. 3. Дагай-тепе. Чаша. III—IV вв.

Никуз и в ряде других памятников. Находка таких сосудов в одном из памятников — на Шор-тепе вместе с монетами делает эти сосуды надежным датировующим признаком. Вместе с кувшинчиками в ряде памятников встречались тонкостенные чаши на узком донышке (рис. 3), покрытые красным ангобом — также весьма характерная керамическая форма для наслоений этих времен.

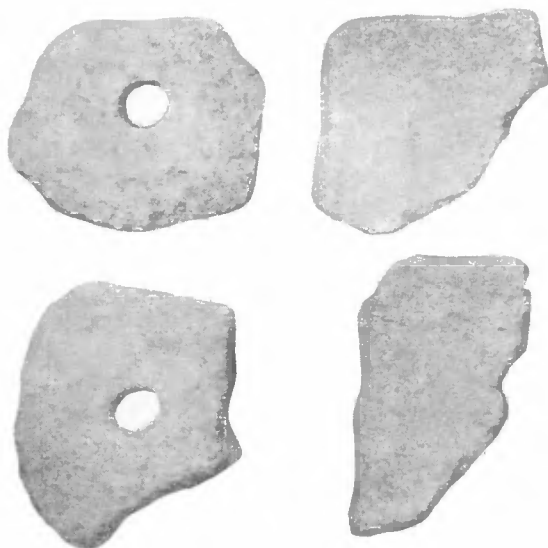

Рис. 4. Шор-тепе. Обломки ручных жерновов. IV—V вв.

Знаменательно, что в этих же наслоениях встречаются в одних случаях зернотерки (Дагай-тепе, Никуз-тепе), в других — ручные жернова (Шор-тепе). Видимо, в III—V вв. происходил процесс вытеснения из обихода зернотерок и замены их ручными жерновами, что указывает на рост производительных сил, выразившийся в усовершенствовании орудий труда. Жернова найдены в крупных фрагментах (рис. 4); диаметр

¹ С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года, стр. 100—101 и 118—119.

одного из них — 27 см. Нижние камни жерновов — с выпуклой поверхностью, верхние — с вогнутой. На краю одного из верхних камней сохранилось углубление для рукоятки.

Нередки находки пряслиц (рис. 5), преимущественно из глины, но встречаются и

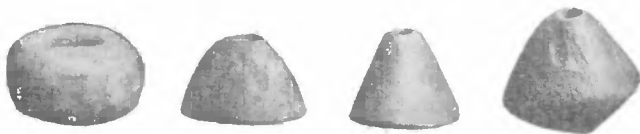

Рис. 5. Шор-тепе. Пряслица. IV—V вв.

алебастровые. Пряслица различной формы — конические, биконические и кольцевые, размер их 2,5 — 4 см в диаметре, 2—3 см в высоту.

Из орудий труда, характеризующих текстильное производство, интересна находка двух подвесок для ткацкого станка. Обе пирамидальной формы, одна из обожжен-

Рис. 6. Шор-тепе. Грузила ткацких станков

ной глины (рис. 6, слева), другая — из необожженной (рис. 6, справа); высота последней — 5,5 см. находка таких грузил указывает, что ткали на вертикальном

Рис. 7. Дагай-тепе. Сосуды. III—IV вв.

станке. Подобные грузила имели очень широкий ареал распространения в античную эпоху и даже в период бронзы¹.

¹ Литературу вопроса см. в работе Б. А. Куфтина «Материалы к археологии Колхиды», т. I, Тбилиси, 1949, стр. 14—17; там же дано воспроизведение вертикального ткацкого станка. Подобные грузила найдены на многих античных городищах, например, в Илурате (В. Ф. Гайдукевич, Новые исследования Илурата, КСИИМК, вып. XXXVII, М.—Л., 1951, стр. 206).

Поддавляющую часть находок при раскопках, как обычно в Средней Азии, составили фрагменты посуды. Тонкость выделки упомянутых выше кувшинчиков, изящность и относительно однообразие их форм — все это могло бы дать основание предположить, что это ритуальные предметы, но большое количество находок сосудов этого вида в наслоениях ряда памятников не подтверждает такого предположения. Вернее, что эти миниатюрные кувшины употреблялись в качестве кружек.

Из сосудов станковой работы отметим еще горшок с плоским дном и широким устьем и поильник для детей (рис. 7) с широким устьем, ручкой и носиком¹.

Характерно, что в наслоениях III—V вв. не найдены фрагменты керамики с красным лощением. Применялся ангоб — для чаш обычно красный или черный, для кувшинчиков — белый, для более крупных сосудов — серый или желтоватый.

Для истории ремесленного производства Намангана весьма важным источником является открытие гончарной печи, предназначенной для обжига тонкостенной керамики².

Характерной чертой слоев III—V вв. является значительно большее количество лепной керамики, чем в предшествующее время. Подавляющую часть находок этого вида составляют фрагменты котлов грубой лепки, с большой примесью толченой керамики в глиняном тесте. На Шор-тепе в большом количестве встречались крупные фрагменты сосудов с закругленным дном³. В ряде памятников (Ер-курган, Мудин-тепе, Каджар-тепе и др.) найдены фрагменты чаш на высоких стержнях, украшенных наклепным орнаментом в виде шипов и круглых комочков глины (рис. 8). Находки таких сосудов относительно редки; видимо, это — ритуальные светильники. Отметим еще глиняные подставки для вертелов, встречающиеся в большом количестве (рис. 9); видимо, две такие подставки служили опорой для стержня, на который нанизывались кусочки мяса при приготовлении его в виде шашлыка; концы

Рис. 8. Мудин-тепе. Фрагмент светильника (?). III—V вв.

стержня вставлялись в отверстия или во вдавления, нанесенные на обе широкие стороны подставки.

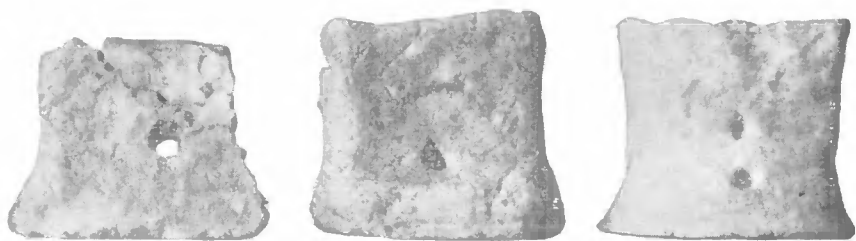

Рис. 9. Подставки для вертелов: а — из Шор-тепе; б — из Дагай-тепе; в — из Каркаваль-тепе

¹ Керамические находки III—V вв. более подробно описаны в статье: С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года..., стр. 99—102, 116—119.

² Там же, стр. 113—116.

³ С. К. Кабанов, Археологические раскопки на Шор-тепе..., стр. 86—87.

Как в культурных слоях, так и на поверхности поселений обнаружено некоторое количество памятников изобразительного искусства. Очень характерны грубо слепленные из глины изображения животных, главным образом баранов (рис. 10).

Рис. 10. Шор-тепе. Святильник. IV—V вв.

На Шор-тепе была найдена еще подвеска из песчаника с изображением джейрана в прыжке, с головой, обращенной назад (рис. 11). Подвеска имеет вид диска, диаметром в 8,5 см и толщиной в центре в 3,5 см. На одной из сторон диска сделано углуб-

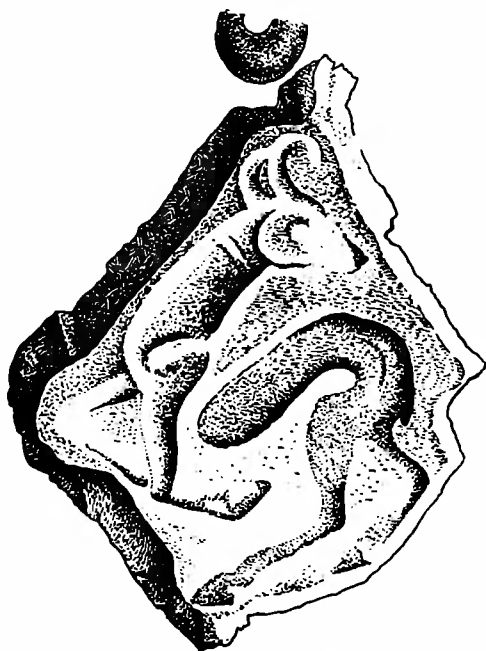

Рис. 11. Шор-тепе. Изображение джейрана на каменной подвеске (рис. худ. Г. Н. Никитина)

ление в виде ромба, в котором выгравировано изображение животного, сильно вытянутое в высоту. Видимо, стремление художника вписать изображение в раму определило некоторую условность рисунка.

Сходный по сюжету и стилю памятник обнаружен нами в более поздних наслоениях в развалинах другого поселения — на Кафир-тепе, находящемся в 2 км к югу от гор. Карши. Здесь в комплексе VI—VII вв. была найдена круглая пластинка из кости или рога, бледнокремового цвета, с плоскими боковыми поверхностями, диа-

Рис. 12. Кафир-тепе. Костяные пластинки с изображением гепарда и коня. VI—VII вв.

метром в 2,3 см; ширина пластинки — 0,9 см. На одной стороне пластинки вырезано изображение коня, на другой — крупного хищного животного, видимо, гепарда

Рис. 13. Шор-тепе. Терракота. IV—V вв.

Рис. 14. Шор-тепе. Терракота. IV—V вв.

(рис. 12). Оба изображения вписаны в круг, но здесь они более реалистичны, чем джейран, выгравированный на каменном диске из Шор-тепе.

Отметим еще две терракоты со штампованным изображением мужчины из развалин Шор-тепе (рис. 13 и 14)¹. Изображения выполнены двумя различными штампами, но сходство их настолько очевидно, что нет никакого сомнения в том, что оба изображения являются изваяниями на глине одного лица².

Интересная терракота поднята на поверхности Кендали-тепе, близ селения Камаши, примерно в 40 км к западу от Карши. На плитке оттиснуто изображение мужчины европеоидного типа (рис. 15), с характерным головным убором в виде складчатой плоской повязки, обрамленной впереди двойным валиком; ухо закрыто складчатой же тканью, ниспадающей сверху. Еще различается шея, обрамленная рельефной оторочкой одежды, правое плечо и часть руки. Рядом с терракотой был найден фрагмент кубка первых веков нашей эры; видимо, к этому времени относится и изображение.

На Дагай-тепе, при расчистке завала VIII—IX вв., было обнаружено терракотовое изображение головы женщины в высоком головном уборе, широкими валиками ниспадающем на лоб. Лицо европеоидного типа, асимметричное, с большими глазами, широким носом и пухлыми губами (рис. 16). Терракоту нельзя датировать временем, к которому относится завал, так как для этого периода (VIII—IX вв.) терракотовые изображения подобного типа не характерны. Статуэтка, видимо, относится к более древнему слою этого же памятника, т. е. к III—IV векам.

Рис. 15. Кендали-тепе. Терракота

Рис. 16. Дагай-тепе. Терракота

Изучение материала археологических раскопок и сопоставление его с письменными источниками дают возможность высказать предположение о некоторых событиях политической жизни в древнем Нахшебе.

Несколько времени тому назад нами был установлен факт поселения правителя Больших Юечжи Кидара в Нахшебе, в гор. Боло, развалинами которого, как есть

¹ С. К. Кабанов, Археологические раскопки на Шор-тепе..., стр. 90—91; к сожалению, в названном издании по вине типографии клише перепутаны: для исправления нужно изображение, помещенное на стр. 91, перенести на стр. 90, а второе изображение — на стр. 91.

² Ниже мы сделаем попытку установить, кто именно здесь изображен.

основания полагать, является городище Ер-курбан¹. Кидариты² известны историческим источникам как народ полукочевой³, и, следовательно, если их глава обосновался в единственном городе оазиса, то, надо полагать, отдельные роды поселились в этой же местности поблизости. Имея в виду, что верхние слои Ер-курбана и Шор-тепе одновременны и что в наслоениях последнего выявлены признаки кочевнического быта, возможно предположить, что Шор-тепе является развалинами поселения одного из родов кидаритов.

В своей недавней работе Р. Гиршман делает попытку доказать, что Кидар был современником Шапура II (309—379 гг.), а упоминание Кидара в хронике Приска Панийского он считает анахронизмом⁴. Однако указание Приска Панийского подкрепляется еще и сведениями китайского путешественника Сун-юаня, на основе которых Маркварт определяет время основания кидаритами государства в Индии 470 годом⁵, что совпадает с датой ухода (около 468 г.) кидаритов из Нахшеба⁶. Свидетельство двух независимых один от другого источников, византийского и китайского, не дают оснований сомневаться в том, что кидариты переселились из Средней Азии в Индию около 468 г. Не было сомнений и в вопросе о времени прихода кидаритов на юг Средней Азии. До опубликования указанной книги Р. Гиршмана никто не оспаривал вывода А. Гутшмида, основывавшегося на показаниях Бейши, о том, что кидариты поселились в Балхе (?) около 420 г.⁷ Как подтверждение этой датировки можно рассматривать указание Каннингема на монету с надписью, содержащей имя Кидара и дату, которую в переводе на наше летоисчисление можно читать как 317 или 417 г.⁸, причем сам исследователь считает верной последнюю дату. В свете приведенных свидетельств нельзя согласиться с мнением Р. Гиршмана, когда он время правления кидаритов в Средней Азии датирует IV веком, вопреки принятой ранее датировке (V в.).

Для нас важно отметить, что перенесение времени правления кидаритов на юг Средней Азии к IV в. не может повлиять на наши выводы; но в этом случае Кунхаса уже нельзя будет считать сыном Кидара, как считал И. Маркварт, видимо на основании близости хронологических данных о Кидаре и Кунхасе⁹; последнего нужно будет считать более дальним потомком Кидара.

Гор. Боло (По-ло) Р. Гиршман, вслед за Клапротом, Гутшмидом и рядом других авторов, идентифицирует с Балхом¹⁰, не принимая во внимание прямого свидетельства Бейши о том, что гор. Боло находился в Ношеболо¹¹ (Нахшебе); не принимается им во внимание и то обстоятельство, что в это время Балх был известен той же хронике

¹ С. К. Кабанов, К вопросу о столице кидаритов, ВДИ, 1953, № 2, стр. 201 сл.

² Для того, чтобы не усложнять изложение, мы будем употреблять этот династический термин, так как с наименованием «Большие Юечжи» связан обширный круг вопросов, которых мы здесь не можем касаться.

³ Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 50.

⁴ R. Ghirshman, Les Chionites-Hephthalites, Le Caire, 1948, стр. 74—75.

⁵ J. Marquart, Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Chorene'i, «Abhandlungen der k. Gesellschaft zu Göttingen», philol.-hist. Klasse, Neue Folge, т. III, № 2, В., 1901, стр. 59.

⁶ С. К. Кабанов К вопросу о столице кидаритов, стр. 207.

⁷ A. Gutschmid, Geschichte Irans und seiner Nachbarländer, Tübingen, 1888, стр. 170.

⁸ A. Cunningham, Later Indo-Scythians, «The Numismatic Chronicle», Third Ser., т. XIII, L., 1893, стр. 184—185.

⁹ Приск Панийский упоминает Кунхаса (Кунха) в своей записи от 465 г.; см. «Сказания Приска Панийского», пер. И. С. Дестуниса, СПб., 1860, стр. 90—91. Появление Кидара на юге Средней Азии относилось приблизительно к 420 г.

¹⁰ R. Ghirshman, ук. соч., стр. 76.

¹¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1950, т. II, стр. 264.

Бейши под другим названием (По-чжи)¹. Видимо отождествление Боло с Балхом порождено слабой изученностью археологических памятников данной территории.

Изложенные факты истории Нахшеба позволяют нам высказать предположения о персоне, лицо которого представлено в двух терракотах из Шор-тепе.

Нахшеб — небольшой оазис, заброшенный среди степей и полупустыни, никогда не играл такой выдающейся роли в истории Средней Азии, как другие города и оазисы — Самарканд, Маргиана, Балх, Бухара, Хорезм. Теперь, на основе сопоставления исторических и археологических данных, выявляется, что некоторое время в Нахшебе была резиденция династии (или отдельных ее представителей) полукочевников, которой удалось объединить под своей властью довольно обширную территорию, простиравшуюся от Средней Азии до Индии, вдоль восточных границ Ирана. Это объединение было недолгим и непрочным, но то обстоятельство, что представители этой династии могли в течение по крайней мере десятилетий выдержать борьбу с сасанидским Ираном, говорит, что они были далеко не слабыми правителями. Поэтому, когда в развалинах одного из сельских поселений древнего Нахшеба (верхние наслоения которого есть основание датировать IV—V веками и определить как развалины поселения недавно перешедших к оседлости кочевников) найдены два изображения одного и того же лица, выполненные двумя различными штампами, то трудно предположить, что это культовые изображения. Терракоты представляют, несомненно, владетельное лицо — в короне и с мечом, в роскошной одежде. Против религиозного значения представленного лица говорит наличие такого атрибута, как меч, не характерный для местных культовых изображений. Но подобные изображения еще нигде не встречены. Принимая, что терракоты — изображения светского владетеля, мы можем предположить, что они являются изображениями одного из представителей этой династии. Одна из терракот найдена в верхних слоях раскопа и может быть отнесена к последнему периоду существования поселения. Исходя из всех этих данных, мы решаемся высказать предположение: рассматриваемые изваяния на глине являются изображениями одного из последних представителей кидаритов в Средней Азии.

Правда, наше определение последних обитателей Шор-тепе как кидаритов, а также объяснение терракотовых изображений пока что остаются рабочими гипотезами, на основе которых еще не следует делать дальнейших выводов (в частности — об этнической принадлежности кидаритов); они должны быть проверены дальнейшими работами в Каршинском оазисе.

Оставление жителями многих поселений в III—V вв., видимо, нужно рассматривать не только как следствие политических, но главным образом как результат экономических изменений внутри общества. Симптоматичным нужно считать и появление небольших поселений типа усадьбы (Никуз). Развалины этого поселения представляют собой овальный в плане бугор, с наибольшим диаметром в 18 м; при вскрытии обнаружены остатки стилобата небольшого здания и дворика с очагом. Видимо, это была усадьба земледельца, возможно — крестьянина. Появление таких усадеб в III—IV вв. может свидетельствовать о выделении прослойки до некоторой степени неза-

¹ J. M a r q u a r t, ук. соч., стр. 55. А. М. Мандельштам в недавно опубликованной статье «О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье» (СА, XX, М., 1954, стр. 57—99) принимает, правда с оговоркой, что Ношеболо соответствует Нахшебу (ук. статья, стр. 79), но попрежнему отождествляет Боло с Балхом (стр. 80), совершенно не замечая при этом указания Бейши о том, что Боло находится в Ношеболо, хотя это указание им же самим и приводится (стр. 77).

Оговорка А. М. Мандельштама в отношении отождествления Ношеболо-Нахшеб вызывается наличием в первом названии необъяснимого окончания «ло» (ук. соч., стр. 79); конечно, трудно объяснить этот факт, пока возможно только предположить, что этот слог все-таки связан со словом «Боло», которое китайский автор или переписчик, ошибочно или по правилам, судить о которых может только лингвист, объединили со словом «Ношебо», так как последний слог названия оазиса (Ношебо) и первый слог названия города (Боло) — совпали.

висящих земледельцев, что является определенным признаком разложения рабовладельческого общества.

Признаком какого-то изменения в ремесленном производстве является ухудшение качества керамических изделий. С другой стороны, замена зернотерок ручными жерновами свидетельствует об общем подъеме производительных сил, послуживших в своем дальнейшем развитии основой для более высокого типа производственных отношений, сложившихся в эпоху феодализма. Несомненно, что расширение археологических исследований древнего Нахшеба позволит глубже изучить все эти процессы.

С. К. Кабанов

САСАНИДСКОЕ СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО ИЗ Д. ШУДЬЯКАР

В августе 1951 г. в Удмуртский краеведческий музей поступили серебряные вещи из клада, найденного у д. Шудьякар Зюздзинского района Кировской области.¹

Клад был найден в мае 1951 г. жителями д. Шудьякар (Харинская) Кириллом и Константином Хариными при распахке поля на левом берегу р. Камы, в ее пойме,

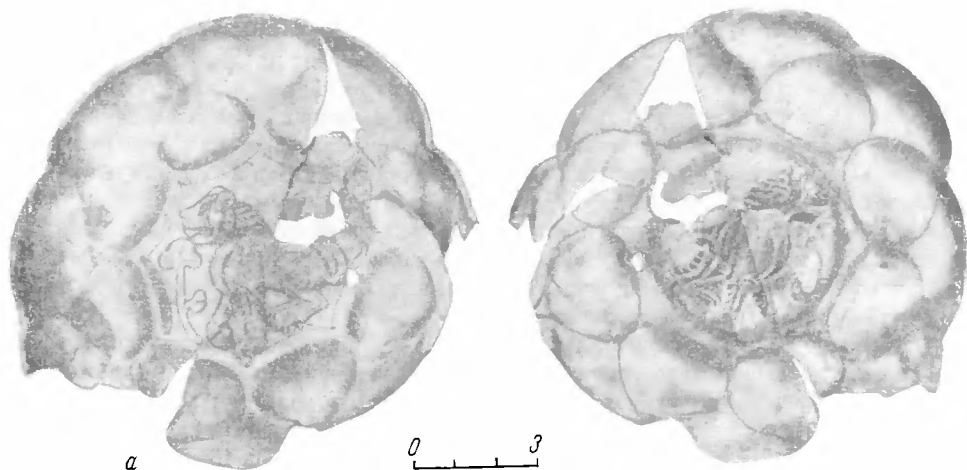

Рис. 1. Сасанидское блюдо из клада, найденного у д. Шудьякар

в 1,5 км к северо-западу от берега реки, напротив деревни. Клад состоял из большого серебряного блюда и трех серебряных шейных гривен. Плуг зацепился за блюдо, сорвал с него поддон и вывернул сосуд на поверхность. Поддон не был найден, но следы его отчетливо сохранились в нижней части блюда (рис. 1, б).

Не поняв значения своей находки, Харины разогнули обручи шейных гривен, причем две из них потеряли, а блюдо разрезали на несколько частей.

Спустя три месяца сотрудники УНИИ и УРМ получили остатки клада и обследовали место находки. Поле, на котором был найден клад, представляет собой ровную

¹ В. О б о р н и А. Т р е ф и л о в, Отчет о работе археологического отряда комплексной экспедиции Удмуртского научно-исследовательского института и Удмуртского республиканского музея, «Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора», вып. 16, Ижевск, 1954, стр. 198—200.